

УДК 930.85 (908)

Панин А.С.¹

**НИКОЛАЙ II И СПОСОБЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЕГО ОБРАЗА В 1914 ГОДУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТУЛЬСКОГО КРАЯ)**

Тульский историко-архитектурный музей

Panin A.S.

**NICOLAS II AND WAYS TO POPULARIZE HIS IMAGE IN 1914
(ON THE BASIS OF THE TULA REGION)**

Tula Historical and Architectural Museum

Аннотация. В статье рассматриваются новые формы публичной репрезентации императора Николая II в 1914 году. Автор приходит к выводу, что традиционная культура России, религиозная в своих основах, проявляется и в формируемом образе правителя. «Новые способы репрезентации» в обществе образа Николая II были новыми только по форме. В начале XX века способы популяризации правителя России сводились к сакрализации власти.

Ключевые слова: Публичная репрезентация, образ правителя, русская традиционная культура, сакрализация власти.

Abstrac.: The article deals with new forms of public representation of the Emperor Nicholas II in 1914. The author concludes that the image is formed by the king of Russian traditional culture, religion in its foundations. «New ways of representation» were new only in form. In the XX century power remained sacred in Russia.

Key words: Public representation, the image of the ruler, Russian traditional culture, the sacralization of power.

Сохранение монархии в России уже в начале XX века требовало определённых усилий. По мнению американского историка — специалиста по России, профессора Ри-

¹ Панин Алексей Станиславович — канд. ист. наук, зав. отделом Тульского историко-архитектурного музея.

чарда Вортмана (Richard Wortman): «По мере угасания революции 1905 года, в своей борьбе с Думой за восстановление прерогатив самодержца Николай II все более широко использовал новые способы репрезентации своего образа...». Отмечая ряд официальных празднеств, в том числе и торжественное общественно-государственное празднование 300-летия царствования дома Романовых в 1913 году, американский историк утверждает, что «они апеллировали к союзу царя и народа, к соединяющим их узам, делавшим Николая более истинным представителем их чувств, чем избираемые ими депутаты» [1].

Ричард Вортман считает, что в поисках новых форм представления монарха обществу «Николай II порвал с традиционными формами репрезентации и перенес образ императора на рыночную площадь, в «потребительскую культуру», возникшую с ростом коммерции и промышленности» [1].

Используя новые формы публичной репрезентации, Николай II невольно противоречил существующим у части общества желаниям видеть своего царя «полубогом» и представал в глазах своих подданных «демократическим царём», «царём-тружеником». Анализируя содержание вышедшей в 1913 году книги «Царствование Государя Императора Николая Александровича», Вортман видит в ней «беспрецедентный» факт «публикации биографии правящего царя». И здесь в попытках автора книги, «профессора и генерал-майора» Андрея Георгиевича Ельчанинова «показать качества, которые укрепили бы связь» между самодержцем и народом американский историк замечает определённые противоречия. «Ельчанинов представлял Николая русскому народу и союзникам России царем, выражающим нужды и отстаивающим интересы своего народа, — демократическим правителем на российском троне». Такая характеристика, «с ее избытком подробностей повседневной жизни Николая, могла только способствовать дальнейшему снижению образа русского императора — сверхчеловека» [1].

Однако вероятнее в попытках нащупать адекватные времени способы «публичной репрезентации» было больше традиционного для России и гораздо меньше противоречий, чем это могло показаться профессору колумбийского университета. Так отечественный историк Сергей Фирсов, также отмечая, что император Николай II стремился к установлению политической системы «основанной на широкой народной поддержке», полагает, что как и прежде все способы популяризации образа строились на фундаменте «божественной легитимности царской власти», по-прежнему осуществлялась «сакрализация самодержавия». «Важно отметить усиление в конце XIX — начале XX столетий светского внимания к проблеме «православизации» России» [2, с. 103].

Самым главным средством популяризации царя и монархии в начале XX века оставалось печатное слово. Если рассмотреть региональные источники, можно получить некоторое представление о том, каким предстал император Николай II в глазах подданных на провинциальном уровне. В этом смысле «Тульские епархиальные ведомости» как источник представляют интерес ещё и потому, что являлись официальным печатным органом Тульско-Белёвской епархии (1799—1919) — публикации в нем, прежде всего, отражали точку зрения тех, кто о «православизации» России имел достаточно компетентное мнение. Особенно интересно попробовать оценить мнение представителей духовенства о российском императоре, полученные при личной встрече.

Император Николай II приезжал в Тулу несколько раз. Первый визит в Тулу, еще в качестве цесаревича, состоялся в 1887 году с посещением оружейного завода. Второй — 6 мая 1904 года. Посетив Успенский собор кремля, император произвел смотр войск.

Об этом визите сохранилась запись в дневнике Николая: «...Когда приехали в Тулу, показалось солнце. Большой порядок на улицах. Из собора через весь город в лагерь 2-й бригады 3-й пех. дивизии. 11-й пех. Псковский и 12-й п. Великолуцкий полки представились отлично. Одна из рот каждого была одета в рубахи песочного цвета. Уехали из Тулы в 6S ч. На ночь остановились на ст. Ферзиково в Калужской губ. Было свежо и ясно» (Дневник Николая II...).

Третий визит (второй как императора) в Тулу был предпринят в ноябре 1914 года — через десять лет после второго посещения «города оружейников» и через три месяца после начала мировой войны. Начало Первой мировой войны (1914—1918) вызвало в обществе взрыв патриотизма и сделало личность «самодержца всероссийского» объектом всеобщего внимания. В это время император нашел необходимым посетить Кавказскую действующую армию, которая вела бои в турецкой Армении. Через Смоленск Государь Император прибыл 21 ноября в Тулу.

На Курский (Московский) вокзал Николай II приехал в 9 часов утра. Об этом «историческом дне» епархиальная хроника сообщала: «В этот день Тула была осчастливлена высочайшим посещением его императорского Величества Государя Императора Николая Александровича» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 656). Царя встречала делегация представителей от всех городских сословий во главе с губернатором А.Н. Тройницким. Помимо высших городских чинов, дворянства и купечества лицезреть монарха могли и представители непривилегированных сословий: мещане, ремесленники, оружейники, крестьяне.

В открытом автомобиле с вокзала император направился в Казанский собор, где уже шло торжественное богослужение, в котором Николай II принял участие. «За время служения обедни к казанской церкви собралась со всех концов Тулы многотысячная толпа народа, которая при выходе государя, замахала платками, шапками и приветствовала своего Монарха криками «ура»...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 660). Из собора император отправился на Тульский Оружейный завод. Здесь его встречали начальник завода генерал-лейтенант А. В. Кун и делегация от рабочих: «Везде в мастерских все рабочие стояли у своих станков. Государь император здоровался с ними». В течение полутора часов Николай обходил завод: «При единодушных восторженных криках «Ура» Государь Император следовал из одной мастерской в другую, останавливался у станков и выслушивал подробные объяснения начальника завода и самих рабочих о выработке казенных частей, изготовляемых для пулеметов, винтовок и револьверов...». Осмотрел Николай II и музей завода, где «начертал Своё имя в книге почётных посетителей» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 654). Во время пребывания государя в городе «был целодневный звон по церквам, при следовании его величества по городу мимо церквей, на встречу выходили причты их в облачении с крестом и святой водой...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 658). В дневнике Николай II написал следующее: «21-го ноября. Пятница. В 9 час. приехал в Тулу. После встречи на станции поехал с Бенкендорф [ом], как всегда в моторе, в собор. По окончании архиерейской обедни отправился на Оружейный Имп. Петра Великого завод. Подробно осмотрел его и обошел все мастерские, работавшие полным ходом. Вспомнил о пребывании там в 1887 г. Посетил лазарет для раненых при заводе, на его средства содержимый, вернулся в поезд к завтраку. В 3 ½ осмотрел в городе еще три лазарета и около 6 ½ ч. покинул Тулу, очень довольный приемом. Всю ночь простояли на ст. Мценск» (Дневник Николая II...).

Из дневниковых записей видно, что император достаточно сдержанно относился к проявлениям народной любви и мало внимания уделял тому, в каком образе он предстаёт перед многотысячными толпами. Формирование образа, прежде всего, становилось задачей прессы и авторы «Тульских епархиальных ведомостей» хорошо понимали значение печатного слова. По словам «ключаря Кафедрального собора» священника Н. Алявдина: «Пишущий эти строки впервые в своей жизни удостоился не только видеть Его величество, а и служить в его высочайшем присутствии». Свой опыт встречи с государем священник считал необходимым обобщить и опубликовать для широкой общественности: «Духовенство в своей массе лишено этого счастья... подробное описание этого «историческо-

го» дня г. Тулы будет с интересом прочтено в сёлах и уездных городах...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 659).

Каким же представал Николай II перед читателями «Епархиальных ведомостей» в «сёлах и уездных городах»? Вот монарх входит в храм «в дверях показалась стройная фигура государя... Одетый в походную самую скромную шинель со шпагой через плечо, Его величество плавно, царственно вошёл в церковь...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 658). Вот государь принимает участие в богослужении: «Среднего роста блондин, с добрым нежным лицом, с умными голубыми глазами, в простой тужурке цвета «хаки», Его величество стройно стоял и истово крестился за службой... Во время преосуществления святых Даров государь приклонил колени — за ним, как один человек стал на колени весь народ... Картина полная умиления и радости: молился царь с своим народом и своим царским примером показал, как надо молиться...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 659). Очевидно, тот образ, в котором император представал перед священнослужителями, они стремились донести и до «многотысячных толп». Кроме печатных изданий для этих целей служили и «целодневный звон по церквам» и особенности богослужения в присутствии монарха, который не просто молился вместе со всеми, но и «своим царским примером» показывал «как надо молиться». Внешний скромный облик и то, что государь дважды вставал на колени во время церковной службы несколько не противоречили массовым традиционным представлениям потому, что они соответствовали не столько идеалу «демократического правителя на российском троне», сколько идеалу религиозному. «Царь не был для народа «живой личностью или политической идеей. Он был помазанником Божиим, земным Богом, носителем божественной силы и правды» [2, с. 111]. Образу царя на станицах епархиального издания приданы вполне мессианские черты — чему не мешают, а скорее помогают личностные особенности Николая II. То что на престоле России «царь-труженик, любящий и кроткий» вполне соответствует идеалу истинно православного царя который «в обращении и во всей личности Своей исполнен... простоты несказанной: весь искренность, весь — подвиг труда, весь — доступность, весь отрицание всякой фразы, деланности, фальши, позы или картинности...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 673). Здесь царствующего императора сближают с первыми Романовыми и противопоставляют лидерам вражеских держав. «Любовью и кротостью преисполнен наш Государь как личность. От него веет духом первых царей Романовых... Ему как яркая противоположность противостоит германский Вильгельм, воплощённая гордыня Навуходносора» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 673, 674).

Образ «любящего и кроткого царя» в полной мере соответствует библейскому, а точнее даже евангельскому представлению об «истинном царе». В Евангелии было сказано что «кроткие наследуют землю» а значит Николаю II «кроткому царю нашему предречено принять и даровать в достояние России новые земли, на которых почиет благословение православной веры...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45. С. 674). События презентации царя, в которых подчёркивалась его простота и обыденность, где он изображался как «среднего роста блондин, с добрым нежным лицом», не вели к «дальнейшему снижению образа» а, напротив, подчёркивали его соответствие христианскому идеалу, а значит и богоизбранность «русского царя». Именно Николаю II «как второму Романову, тишайшему царю Алексею Михайловичу, предречено увидеть святую православную Церковь в новом восходящем сиянии, предречено исполнить неисполненные святые намерения тишайшего царя, в трёх столицах — Цареграда, Москвы и Петрограда — осуществить величавые упования святейшего Никона патриарха, сделать Церковь Русскую возглавляющею весь православный Восток...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. №45. С. 674).

Представляется, это в полной мере соответствовало ожиданиям русского общества в начале первой мировой и во многом совпадало с концепцией «третьего Рима» как смысловой основой мессианских представлений о роли и значении России. И центральное место здесь отводилось образу «русского царя», действительно становящегося не просто личностью, но «носителем божественной силы и правды», не просто «демократическим правителем», но идеальным олицетворением «народа-богоносца». В августе 1914 года «Тульские епархиальные ведомости» утверждали: «Словно по волшебному мановению люди русские... по единому Царскому слову объединились сразу вокруг своего Державного Вождя, на святую защиту, чести, достоинства и целостности своей отчизны...» Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 30. С. 127). Начиная война принимает апокалипсический характер потому, что «столкнулись на своих путях... силы добра и зла, правды и милости на одной стороне, неправды и насилия на другой» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 42. С. 128). Но, несмотря ни на что, «чиста и возвышена останется среди разыгрывающейся кровавой вакханалии душа русского Царя и его народа, вступивших на грозную борьбу не из-за низменных корыстных расчётов... Сознание нравственной правоты... создаёт глубокую уверенность в том, что «с нами Бог»...» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 30. С. 128). И именно потому, что образ русского царя соответствует религиозным идеалам, его душа чиста, а мотивы возвышенны, в грядущей битве добра и зла победа останется на стороне Бога, а значит — России. «Мятущаяся душа народная ус-

покоится лишь тогда, когда русский двуглавый орёл распластает свои крылья во всю ширь и прикроет ими полмира, и тёплый Босфор, и царство нового Гогенцоллерна, этого нового Валтасара...» Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 42. С. 618).

Судя по тому, что Николай II покинул Тулу «очень довольный приёмом», способы его презентации соответствовали и ожиданиям монарха. Как отмечал Сергей Фирсов, Николаю II хотелось походить на «православного московского царя» [Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 30. С. 106]. Последний российский император стремился стать ближе к народу и здесь можно согласиться с тем, что он действительно «перенес образ императора на рыночную площадь». Однако господствующая культура в России в начале XX века оставалась традиционной, религиозной в своих основах. Уже Саровские торжества 1903 г. укрепили у Николая «убеждение в неизменной связи «простого народа» и Православия в России как такой системы ценностей, без которой невозможно существование народной власти (конечно же, понимаемой как власть самодержавная) в принципе» [2, с. 115]. Первая мировая война вызвавшая «взрыв патриотизма и единодушия» обнаружила готовность в российском обществе видеть в своём правителе «царя-труженика, любящего и кроткого». Однако этот «царь-труженик» в большей степени соответствовал не демократическому правителю западного образца, но православному царю, одному из первых Романовых, которому «предречено расширить, укрепить, прославить Россию, поставить её на высоту мировую, во свет языкам, и на новые триста лет обеспечить её процветание» (Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 46. С. 674). По-видимому, традиционная культура оказалась более устойчивой к мировым катаклизмам, чем сама российская монархия а «новые способы репрезентации» в обществе образа Николая II были новыми только по форме. И в начале XX века способы популяризации правителя России по-сути сводились к сакрализации власти, соответствовали ожиданиям большинства видеть «своего Державного вождя», «отмеченным Божественным промыслом», способного сделать Россию великой и «обеспечить её процветание» до очередного юбилея дома Романовых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дневник Николая II 1904. Начат в Царском Сел. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/db/nikolay-2/1904.html> (дата обращения 09.03.2013 г.)
2. Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 30.
3. Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 42.
4. Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 45.

5. Тульские епархиальные ведомости. 1914. № 46.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ричард Вортман. Николай II и популяризация его образа в 1913 году / Авторизован. пер. Е. Островской и Ю. Кагарлицкого // НЛЮ. 1999. № 38. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/vortman.html> (дата обращения 11.03.2013 г.)

2. Фирсов С.Л. Проблема преодоления «средостения»: саровские торжества 1903 года // Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи Николая II. СПб.: Статисъ Держава, 2007.

REFERENCES

1. Richard Vortman. Nikolaj II i populjarizacija ego obraza v 1913 godu / Avtorizo-van. per. E. Ostrovskoj i JU. Kagarlickogo // NLO. 1999. № 38. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/38/vortman.html> (data obrashhenija 11.03.2013 g.)

2. Firsov S.L. Problema preodolenija «sredostenija»: sarovskie torzhestva 1903 goda // Cerkov' v imperii. Oчерki iz cerkovnoj istorii jepohi Nikolaja II. SPb.: Statis# Derzhava, 2007.

Рецензенты:

Кузнецова Е.И., докт. ист. наук, профессор Тульского государственного ун-та;
Дранишников А.А., канд. ист. наук, доцент Тульского государственного ун-та.